

• Надежда Ясминская •

ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Надея Ясминска
Запредельность

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Яминска Н.

Запредельность / Н. Яминска — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Где находится грань, которая очерчивает привычный для нас мир? И что творится за ее пределами? Быть может, она настолько зыбкая, что сквозь нее способно пробиваться волшебство, тонкой нитью вплетаясь в наши будни. «Запредельность» – сборник рассказов, смешных и немного грустных, коротких и длинных, невероятных и вполне обыденных. В них разные сюжеты и герои, но есть кое-что общее: действие происходит в нашем мире и окружающей нас реальности... простой и понятной лишь на первый взгляд.

© Яминска Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Надея Яминска
ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ
сборник рассказов

Аннотация:

Где находится грань, которая очерчивает привычный для нас мир? И что творится за ее пределами? Быть может, она настолько зыбкая, что сквозь нее способно прорываться волшебство, тонкой нитью вплетаясь в наши будни.

«Запредельность» – сборник рассказов, смешных и немного грустных, коротких и длинных, невероятных и вполне обыденных. В них разные сюжеты и герои, но есть кое-что общее: действие происходит в нашем мире и окружающей нас реальности... простой и понятной лишь на первый взгляд.

Содержание:

КАФЕ МАГА

Рыцарь пополам
Ведьмино зеркальце
Золотой профиль
Стоптаные босоножки
Качели
Следуй за мной
Домашняя фея
Гулливеровы драконы
Крылья бабочки
Постоялец

КАФЕ МАГА

*

Эта мысль созрела неожиданно и прозвучала впервые в истории дома, улицы, всего городка:

– А не позвонить ли Дороне?

Платон Петрович даже облизнул губы, смакуя каждое слово. В самом деле, когда еще подвернется случай произнести такое? Кому придет в голову звонить этому человеку? Разве что насчет денег: попросить в долг или потребовать вернуть. Да и то вряд ли. Дороня беден, как линялый гусак, и слишком застенчив, чтобы у кого-нибудь занимать. Но сейчас он – явно то, что нужно. Серая, унылая работа для серого, унылого человека.

Номер был небрежно нацарапан карандашом в самом конце справочника.

– Доронь, дружище, не спишь?

– Рад тебя слышать, – донесся из трубки сонный, но вежливый голос. – Нет, не сплю.

Платон Петрович ехидно глянул на часы: полвторого ночи. Наверняка этот рохля уже десятый сон видел. И бодро продолжил:

– Я тут спешу тебя обрадовать. Хозяин решил открыть на заправке кафе. Мысль не самая светлая – учудить забегаловку под самым носом «Гролля». Но хочется ему косить под мировые стандарты. Так вот...

На другом конце трубки внимательно слушали.

– Так вот, я подумал: а почему бы не пригласить тебя приглядывать за этим кафе? Дело не пыльное, посетителей почти нет. На втором этаже – комната с душем. Какая тебе разница, где решать свои кроссворды?

Голос Дорони дрогнул, выдавая некоторое волнение.

– Но у меня нет опыта...

– Опыта-шмопыта, – передразнил Платон Петрович. – Головой думай! Тебе еще и платить готовы за то, что ты будешь там зевать и протирать штаны. Короче, завтра жду в десять утра. Диктую адрес...

Он назвал место на самой окраине города. Затянулось молчание, нарушаемое едва слышимым потрескиванием на линии. Затем Дороня произнес:

– Спасибо, Платон.

«Ловко я все устроил, – подумал Платон Петрович, положив трубку. – Кто бы еще согласился!»

Он натянул одеяло до второго подбородка и заснул с чувством выполненного долга.

**

Дорофей Наумович – которого все кому не лень называли Дороней – был очень средним человеком. Среднего возраста (или чуть старше), среднего роста (или чуть ниже), неприметной внешности без перекоса в сторону «приятной» или «неприятной». Даже дома он носил поношенный серый костюм, а его глаза под толстыми стеклами очков казались какими-то выцветшими, неопределенного цвета. Для того чтобы стать хорошим работником, ему недоставало настойчивости, а плохим – не хватало наглости. И сейчас Дорофей Наумович стоял у невзрачной заправочной станции, перед домиком, где красовалась свежая вывеска «КАФЕ МАГАЗИН».

Свою новую должность он принял с некоторой долей обреченности. В работе Дорофей Наумович остро не нуждался, хотя она бы ему, честно говоря, не помешала. Но здесь было все так, как он привык. Пустынное, малолюдное место. Стены с облезшей штукатуркой, которые хорошо сочетались с нынешней бесснежной зимой. Внутри – одинокие столики и стулья, забывшие тяжесть человеческого веса. И если на заправку раз-другой в день еще заезжала машина, то кафе стояло точно «для галочки». Ведь буквально в двух шагах находился знаменитый трактир «У Гролля», где дорогому посетителю предлагалось все: от карманной шоколадки до запеченного гуся с яблоками.

– Чувствуй себя как дома, – заявил Платон Петрович и рассмеялся своей удачной шутке. Он не сомневался, что дом Дорони выглядел очень похоже. – Кассу сдаешь в конце недели. Кафе круглосуточное, на входе есть звонок. Не думаю, что тебя станут часто беспокоить... Вот кофе-машина. Она с комиссионки, поэтому иногда барахлит. Но старый добрый кулак это дело решает на раз. Продукты обычно поставляют по субботам, иногда могут заявиться в среду. Пожалуй, все. Зарплата – в начале месяца.

Его подчиненный хранил уважительное молчание и все еще удерживал на весу свой старомодный чемодан с вещами.

– Ну что, мой друг Дороня, засим тебя и оставляю. Не заработайся тут! Кстати, раз я оказался здесь, загляну-ка к «Гроллю». Говорят, баранья нога там – просто объедение...

Колокольчик над дверью жалобно звякнул, и Дорофей Наумович остался один. Он немного посидел за стойкой, потом взял тряпку и вытер столы. Радио не работало. Возникло ощущение, что кафе-магазин находится на краю света.

Это знакомое чувство успокоило Дорофея Наумовича. Он устроился в кресле в углу, раскрыл газету с кроссвордами и послунил карандаш.

Прошел день, второй, третий, а к нему не заглянул ни один человек.

На четвертые сутки Дорофей Наумович внезапно проснулся среди ночи.

Он сел на узком скрипучем диванчике и попытался понять, что же его разбудило.

Мысль? Ночной кошмар? Ему не было свойственно ни то, ни другое. Но озарение – такое же тяжелое, как его веки – все-таки пришло. Это разрывался входной звонок.

– Не спится же кому-то, – пробормотал он, быстро натягивая костюм. Галстук повязать не успел, ну и ладно.

Дорофей Наумович спустился по лестнице и подошел к двери. За толстым стеклом виднелась чья-то внушительная фигура. Новому смотрителю кафе вдруг стало страшно: грабитель – или кто похуже – здесь может действовать без опаски. Никто ничего не услышит на километры вокруг. Хотя какому грабителю придет в голову пожить здесь, в такой глуши? Дорофей Наумович на мгновение задумался о психологии преступников. Умные ли они ребята?..

Фигура еще раз нажала на звонок, уже с явным раздражением. Тогда робкий, но ответственный человек, вспомнив о своем профессиональном долге, открыл дверь.

На пороге стоял мужчина лет сорока и ростом никак не ниже двух метров. Его плечи укрывал грубый плащ, рыжие с легкой проседью волосы падали на серо-серебристый меховой воротник. Глаза казались настолько темными, что не было видно зрачков.

Он вошел внутрь, легким движением могучего плеча припечатав смотрителя к косяку. И, опершись на барную стойку, проронил:

– Мне нужен маг.

Дорофей Наумович растерянно потер глаза, потом уши. Он что, еще не проснулся, или гость действительно произнес «маг»? А что это значит? Мозг лихорадочно работал, вспоминая аббревиатуры и жаргонные словечки из кроссвордов. И таки выцепил глубоко из подсознания обрывок рекламы: «Маг» ароматизированный, с защитой для рук...

– У нас не продаются стиральные порошки, – осторожно сказал он.

Незнакомец хмыкнул.

– Я здесь не ради порошков и зелий. У меня другое дело к магу. Где он?

– Простите, – пробормотал смотритель, чувствуя себя крайне глупо.

– Налей мне ячменного вина, я подожду.

– Могу предложить разве что эспрессо... – Дорофей Наумович закрыл наконец дверь и направился к кофе-машине. Аппарат тут же учуял неопытного пользователя и отреагировал на нажатие кнопки мерзким механическим хихиканьем.

«Старый добрый кулак», – вспомнил смотритель. Он осторожно стукнул по панели, но ничего не изменилось.

– Кто же так дела делает? – усмехнулся незнакомец и занес свою руку над кофе-машинкой.

Дорофей Наумович издал протестующий вопль, но было поздно: огромный кулак, словно молот Тора, опустился на упрямую конструкцию. К немалому удивлению смотрителя, машина не разлетелась вдребезги, а лишь слегка прогнулась. Из нее брызнула янтарная жидкость, похожая на яблочный сок. Гость подхватил со стойки пивные кружки и стал наполнять их одну за другой. В воздухе расплзлись пряные хмельные ароматы.

– И когда же он почтит нас своим присутствием?

– Кто? – ошарашено спросил Дорофей Наумович.

– Маг.

– Э-э... не уверен, что здесь есть маг, что бы вы ни имели в виду.

– Погоди-ка, – мужчина в плаще отодвинул от себя питье. – Или ты меня за дурака держишь...

– О нет, конечно, нет!..

– Или вывеска врет? И то, и другое не очень-то... вежливо, – последнее слово гость процедил так, что у зрителя душа ушла в пятки.

– Какая вывеска?

– Шутки шутить вздумал? Прямо над дверью.

Плотнее закутавшись в серый пиджак, Дорофей Наумович вышел на улицу и глянул на фасад домика. В глаза сразу бросилось то, что три последние буквы перегорели, и теперь неоновая надпись гласила: «КАФЕ МАГА».

«Но ведь это не всерьез», – растерянно подумал зритель.

Вернувшись, он увидел, что незнакомец уже приговорил две полных кружки и теперь выжидающе глядит на него. А волчья голова накидки – да, плащ украшал не просто мех, а целый волк – тоже сверлила его глазами-бусинками, и притом вполне осмысленно. Впрочем, это могла быть просто игра плохого освещения.

– Здесь больше никого нет, – набрав побольше воздуха в лёгкие, выпалил Дорофей Наумович. – И не будет. Я один. Так что никакого...

– Так значит, ты и есть маг, – приподнялся гость. – Ну, ничего, ничего, видали и поплоше. Что же раньше не сказал?

– Я... я... – От страха слова застряли в горле зрителя, и он мог только отчаянно мотать головой.

– Судя по одеянию, магия серая. Как величать-то?

– Д... дро... дра... ик!.. фей...

– Драконий фей? – нахмурился незнакомец и потер подбородок. Борода у него была короткая и неровная, словно обрезанная ножом. – Вообще, я рассчитывал на полноценного мага, но и так сойдет. Послушай, фей драконий, окажи услугу.

Дорофей Наумович замер.

– На эту ночь мне нужен ночлег.

И зритель кафе как-то успокоился. «Ночлег» звучало так просто и привычно. Он-то думал, что сейчас этот человек (наверняка сбежавший из психбольницы) потребует достать ему меч-кладенец или превратить его врага в жабу. А ночлег... пусть себе ночует. Хотя и здесь следует поостеречься.

– Понимаете, у меня всего одна комнатка наверху, совсем маленькая. Почему бы вам не пойти в трактир «У Гролля»? Я слышал, там есть номера для постояльцев...

На этот раз молот Тора опустился на стойку – с такой силой, что все столы и стулья подпрыгнули на полу. Жалобно звякнула посуда.

– Гроль – продажная шкура! – прорычал гость. – Он сдаст меня с потрохами, едва я переступлю порог. Охотники уже что-то почуяли.

«Точно беглый», – уверился зритель, а вслух сказал:

– Комната там... по лестнице...

В легком кивке незнакомца промелькнуло «спасибо» – а может быть, и нет. Он медленно поднялся наверх, едва не сплющив лестницу своим весом. Дорофей Наумович в растерянности сел за столик и понюхал пустые кружки. И в самом деле, вино. Возникла мысль позвонить в милицию, но на него вдруг обрушилась тягучая сонливость, и телефон в углу стал видиться запредельно далеким. Зритель кафе смог лишь притушить свет и плюхнуться в кресло для посетителей. Он свернулся там калачиком и закрыл глаза.

Сверху доносился громкий храп. И – странное дело – он казался Дорофею Наумовичу не раздражающим, а каким-то благородным, словно так храпел в своей берлоге царственный зверь. Эти звуки смешались с тиканьем часов, а дальше наступила глубокая тишина сна.

Дорофей Наумович проснулся оттого, что нечто упало ему на голову. Даже не упало, а просто слегка шмякнуло по темечку. Он с трудом разлепил веки, пошарил по коленям и вытащил из складки штанины желудь.

Свежий, гладкий, с аккуратной шляпкой.

Смотритель глянул вверх и мгновенно стряхнул с себя остатки дремы.

Прямо посреди кафе рос большой дуб. Его зеленоватый с медным отливом ствол пробил потолок, и потому сложно было понять, где верхушка этого дерева: то ли на втором этаже, то ли вовсе над крышей. Нижние ветви со свежими листьями и плодами величественно нависали над залом.

Неуклюже выбравшись из кресла, Дорофей Наумович подошел к дубу и потрогал его, даже подковырнул кору ногтем. Настоящий. Толкнул – держится крепко. В голову с трудом пробилось осознание: в помещении не холодно. Из щелей не свистал зимний ветер, потому что щелей-то и не было. Дерево не просто проломило перекрытия, оно вросло в них намертво, слово это был не дуб внутри кафе, а кафе вокруг дуба.

Еще один желудь со звоном упал в пивную кружку, и Дорофей Наумович вспомнил о постояльце.

Наверху никого не было. Диванчик был продавлен, но убран, одеяло сложено на шкафу – так высоко, что человеку среднего роста никак нельзя было туда дотянуться. В душевой комнатке остался полузатертый след от сапога пятидесятого размера. И по всем углам сквозило ощущение невероятной пустоты, словно отсюда ушел хозяин, а не гость.

Смотритель снова спустился вниз и обнаружил деньги на барной стойке. Пачку банкнот и горку монет разных стран и номиналов – как будто вчерашний посетитель точно не знал, в какой стране он находится, и решил выложить все, что у него есть. Там были немецкие марки, шведские кроны, итальянские лиры, перевязанные резинкой рубли, несколько неопознанных купюр. Затесался даже доллар, выпущенный в 1892 году. Дорофей Наумович сложил деньги в пакет и закрыл в сейфе, решив, на манер эксцентричной Скарлетт, что подумает об этом завтра.

Зазвонил телефон. Настолько резко и приземленно, что, казалось, дуб и прочие неясности вот-вот пропадут. Но они не пропали. Смотритель снял трубку.

– Алло! – послышался бодрый голос Платона Петровича. – Ну, как там делишки?

Дорофей Наумович задумчиво окинул взглядом дерево посреди зала.

– Неплохо, – произнес он. – Только тут, понимаешь...

– Что? – сразу насторожился Платон Петрович, который знал, что подобный тон чаще всего приводит к просьбам о повышении зарплаты.

– Тут это... поменялось...

– Да что поменялось?

Смотритель прищелкнул языком в поисках подходящего слова, и кроссворды вновь пришли ему на помощь.

– Дизайн. Интерьер. Я тут немного изменил дизайн интерьера.

– А, это хорошо, – успокоился Платон Петрович. – Я всегда говорил: креативные люди нам нужны. Ну, если все в порядке, я откланиваюсь. Позванивай там, если что.

Дорофей Наумович некоторое время прислушивался к гудкам, а потом вздрогнул и вырвал трубку из рук: за его спиной раздался скрежет и чье-то бормотание.

Прямо на стойке, возле кофе-машины сидел человек очень маленького роста – скорее всего, карлик – в плохо скроенном кожаном пальто и грязной вязаной шапке. Его длинная спутанная борода была светло-желтой – точно такого же оттенка, как жидкость в кружке на коленях.

Заметив смотрителя кафе, коротышка сдунул пену с жидкости, выпил все залпом и с чувством рыгнул. Потом ткнул пальцем в кофе-машину.

– Я тут не понял, – хриплым басом сказал он, – на какую кнопку нужно нажать, чтобы получить медовуху?

– А что вы тут делаете? – пришел в себя Дорофей Наумович.

– Пью, – честно признался бородач. – Хотел бы еще поесть, но у вас тут конь не валялся. Где рыба? Где драконьи хвосты? Совсем разбосячились.

– Могу... могу предложить бутерброды или эклеры.

– Экле-е-еры, – вздохнул коротышка. – Ну и словей навдумывают. Я Куц, кстати. Так маг сегодня не появится?

«О Господи, оно продолжается», – холодком пробежало по телу зрителя. А карлик по имени Куц сунул в рот пакетик с мятным чаем и стал заливать его кипятком. Борода начала медленно менять свой цвет на мутно-зеленый.

– Я за него, – обреченно сказал Дорофей Наумович.

Куц выронил из рук чайник и проглотил пакетик.

– Звиняйте, – немного испуганно сказал он. – Я тут вообще не по делу, а просто так. Мы народ маленький, и особо нас нигде не ждут. Гроль вон на дух не переносит. А деньги... деньги за выпивку я принесу. В другой раз.

Коротышка спрыгнул со стойки и попятился к выходу. Из-за пазухи у него выпала кофейная ложка с клеймом заправки. Быстрым машинальным движением он подхватил ее и попробовал на зуб.

– Ничего себе! А я-то думал, серебро!

– Положите на место, – возмутился зритель. Когда дело касалось казенного имущества, у него прибавлялось храбрости.

Куц послушно распахнул кожух, и на пол высыпались несколько вилок, ложек и ножей. Будто бы смущаясь, бородач сгреб их в кучу носком сапога, потом вздохнул и достал из кармана ситечко для чая.

– Привычка, знаете ли, – пробормотал он. – Вы ж меня в лягушку не превратите?

– Превращу, – вдруг с каким-то удовольствием сказал Дорофей Наумович.

Выронив ситечко, Куц кинулся к двери и исчез. Скрипа при этом не последовало, и замок остался нетронутым. Зритель с легким кряхтением начал собирать с пола столовые приборы. Одна вилка выделялась среди всех прочих: огромная, тяжелая, с завитушками на ручке. На ней была размашистая гравировка: «У Гролля». Да и ситечко с выбитым двуглавым орлом и надписью «Поставщикъ Двора Его Величества» в кафе тоже ранее не наблюдалось. Дорофей Наумович завернул чужеродные предметы в салфетку и спрятал в бар за бутылками. Потом протер кофе-машину, стараясь не задеть кнопки на панели.

Раздался дверной звонок. И еще раз. И еще.

Дорофей Наумович никогда не думал, что будет так радоваться человеку – обычному человеку, который выкурил сигарету прямо в кафе и бросил окурки на пол.

Вечером того же дня, когда первый раз за всю зиму пошел снег, в кафе зашла посетительница. Дорофей Наумович расправил плечи и пригладил галстук, хотя в глубине души знал, что вряд ли чем-то ей поможет. Девушка выглядела весьма прилично – серебристая шубка до колен, замшевые сапожки и миниатюрная сумочка под мышкой, но в этой простой обстановке она казалась таким же чужеродным элементом, как верзила-незнакомец в плаще или карлик с хамелеонской бородой. Такие барышни обычно просят мятный шоколад, или карамельный кофе, или маленькое пирожное с «чутьочкой» крема – все то, чего здесь сроду не бывало.

– Слушаю вас, – любезно произнес зритель.

Посетительница подошла вплотную к стойке и откинула с лица меховой капюшон, припорошенный снегом. Она оказалась совсем юной, с волосами настоящего пепельного цвета и широко поставленными серыми глазами.

– Я хотела спросить... – застенчиво начала девушка и вдруг замолчала, увидев дуб посреди зала.

«У нас особый дизайн интерьера», – хотел сказать ей Дорофей Наумович. Эту фразу он заготовил заранее, чтобы мягко выводить из шока случайных путников. Но гостья удивилась совсем по-другому. Ее глаза распахнулись, тонкая, почти перламутровая кожа на щеках заалела.

«Какая красота!» – должно было сорваться с ее губ.

– Он был здесь! – вот что прозвучало на самом деле.

– Кто? – спросил Дорофей Наумович, чувствуя себя полным идиотом.

– Дубомир, – ответила девушка и принялась кружить вокруг дерева, оглядывая и ощупывая его. – Он нашел здесь убежище! Дерево вырастает тогда, когда ему удастся заснуть, а он не спал уже много лет. Да что я вам рассказываю, вы и так все знаете!

– Он ваш знакомый?

Посетительница еще больше покраснела и вместо ответа выпалила:

– Когда?

– Этой ночью, – смотритель не видел смысла отпираться. – Высокий человек в плаще с волчьей накидкой. Он вообще-то не представился.

– О да, – гостья глянула на него и виновато улыбнулась. – Дубомир не всегда бывает учтив.

– Он попросил ночлег, и я уступил ему свою комнату наверху.

– Вы так добры, – искренне сказала девушка. Она подняла с пола желудь и крепко зажала его в кулачке. – Может быть... может быть, вы знаете, куда он направился потом?

– К сожалению, ваш друг ушел еще до того, как я проснулся.

– Да-да, конечно...

Дорофей Наумович смущенно забарабанил пальцами по стойке и, наконец, решился спросить:

– А вы не думаете, что надо что-то с этим делать? Все-таки разгуливать по городу в таком виде...

Юная посетительница резко обернулась.

– Вы, наверное, не знаете, – с жаром проговорила она. – Да, сейчас он изгой и за ним охотятся, но все изменится. Время настанет. Я это чувствую. Потому что появляются люди, которые видят, что происходит, и не поджимают трусливо хвост. Например, такие, как вы...

– Э, – только и смог выдавить смотритель.

– Я хочу хоть как-то отблагодарить вас.

Девушка открыла сумочку, вытащила оттуда нечто, завернутое в кружевной носовой платок, и положила на столик.

– Просто в воду, как обычно... И еще... Если он вдруг опять придет к вам, скажите, что я его искала.

– Вы?

Гостья снова выпустила на свет улыбку, легкую и тонкую, как бабочка.

– Яснолика.

Она подошла к смотрителю и наклонилась совсем близко. В ее глазах – не серых, а серебряных, теперь он видел точно – мерцало восхищение.

– Так чудесно, – прошептала она, – что вы находитесь здесь, прямо под носом мерзавца, и помогаете... и совсем его не боитесь... Спасибо вам!

Сжав руку смотрителя своими маленькими ладошками, Яснолика выскользнула за дверь. Какое-то время Дорофей Наумович стоял в оцепенении, потом кинулся следом.

– Эй, погодите! – крикнул он в темноту. – Кого я должен бояться?

Но на улице было пустынно – так же, как всегда. Девушка исчезла. Честно говоря, зритель вполне готов был поверить, что она превратилась в луну.

В маленьком свертке оказалась салатная луковица.

Дорофей Наумович уже склонялся к тому, чтобы принять происходящее за какой-то грандиозный розыгрыш. Может быть, когда он действительно посчитает себя магом и начнет делать пассы над столом, в кафе ворвется куча людей с радостными криками: «Вас снимает скрытая камера!» Тема шоу: «Можно ли обычного человека убедить в том, что он необычный?» О да, ведь он-то – Дорофей Наумович, Дороня – уж обычнее некуда.

Ну, хорошо. Допустим, Дубомир, Яснолика и Куц – всего лишь актеры. А кофе-машина на самом деле вино-, пиво- и что-там-еще-машина. Но как быть с дубом? Подобные спецэффекты под силу разве что Голливуду.

Зритель налил воду в винный бокал и поставил туда луковицу, словно в баночку. Барная стойка тут же превратилась в подоконник его детства. А, плевать. Если посетители смиряются с деревом, их не смутит и салатный лук среди бутылок.

Впервые в жизни нарушив рабочий регламент, Дорофей Наумович закрыл кафе пораньше и пошел спать. Только как следует отдохнуть ему не удалось. Около полуночи под самым окном раздался леденящий душу вой. Зритель выглянул в форточку и увидел вокруг кафе цепочку свежих следов какого-то зверя – крупного пса, а может, и волка. Проверять это Дорофею Наумовичу не хотелось.

Но пришлось.

В дверь не позвонили и не постучали. Ее просто распахнули одним мощным ударом. Чьи-то гулкие шаги наполнили зал и разбросали по стенам неровное эхо: раз-два-три, раз-два-три... – Маг! – раздался громовой голос. – Я знаю, что ты здесь! А ну, явись!

Шестое чувство в области копчика тут же подсказало: никакие это не шутки. Тот, кто его звал, не собирался воровать вилки или просить ночлега. Липкая волна страха накрыла зрителя с головы до пяток, и первым желанием было спрятаться под кровать. Безрассудное желание – вместо кровати стоял диван, и щель между ним и полом была слишком мала, чтобы вместить человека.

– Явись, не то хуже будет! – прорычал некто.

И Дорофей Наумович, по наводке того же шестого чувства, понял: никуда ему не деться. Его все равно найдут, достанут и хорошенько встряхнут. К тому же он, вечный мелкий работник, робел перед директивными нотками в голосе. Сказали идти – изволь исполнять приказ.

На ватных, гнущихся как попало ногах зритель спустился вниз.

Столы и стулья, опрокинутые, с перепутанными ножками, валялись возле дуба, словно разоренный муравейник. А рядом стоял грузный человек с тростью, и возле его ног скалился большой белый зверь.

Вся эта картина походила на страшную мозаику, в которой было всего три элемента. Сами по себе части заставляли вздрогнуть, но не вызывали такого леденящего ужаса. Человек был довольно стар, но в нем чувствовалась какая-то первобытная, почти противоестественная сила. Его глаза (один был мутно-голубой, второй светло-карий) сверлили медленно, по живому; седые волосы немытыми сосульками спадали на плечи; квадратный подбородок с острой сизой щетиной постоянно двигался из стороны в сторону. Этот старик опирался на трость в виде большой обглоданной кости, сделанной столь мастерски, что невольно закрадывалась мысль: кость настоящая, и даже страшно подумать, кому она могла принадлежать. Третьим куском мозаики была то ли собака, то ли волчица, то ли некий волкозавр с острыми шипами на спине.

Эти части прекрасно подходили друг к другу и сразу же накидывали невидимую удавку на шею каждому, кому доводилось лицезреть их вместе.

Дорофей Наумович схватился за ворот рубашки и пробормотал что-то невнятное, отдаленно похожее на «Чем могу помочь?».

– И это все? – спросил человек, и его подбородок затрясся, видимо, в беззвучном хохоте. – Да слухи раз в десять больше тебя. Я-то решил, что тут и вправду завелся достойный противник!

– П-п-простите? – выдавил из себя смотритель, даже сумев придать этому слову вопросительную интонацию.

– Ты что же, еще не догадался, кто я? Тот самый, кому ты пытаешься совать спички в колеса. Я Гроль, хозяин самого известного в округе трактира.

– Гроль? – быстро переспросил Дорофей Наумович, пока воздух вновь не покинул его горло. – Я... я думал, что это просто такое... слово...

Хозяин трактира, тяжело опираясь на трость, подошел к нему ближе. Раздалось уже знакомое тройное эхо: раз-два-три.

– Слово? Я Тодор Гроль, для простых посетителей – а их у меня, кстати, не так уж много – Федор Анварович Гролев. Но не строй из себя святую невинность, ты прекрасно знаешь, кто я такой. Лучше скажи мне, маг безымянный, у тебя сердечко не ёкало, когда ты открыл здесь, на моих землях, свое поганое кафе? Коленки-то не дрожали, когда зажег вывеску на радость всякому сброду? Ты серьезно думал, что я это так оставлю? Отвечай!

Последнее слово вырвалось огненным плевком и прожгло барную стойку.

Дорофей Наумович стоял как вкопанный и не знал, что ответить. Гроль, гулко стуча тростью, вернулся к дубу и с яростью обломал ближайшую ветку.

– Лижешь пятки этому якобы наследнику, да? Думаешь, он снова получит власть? Никогда – слышишь? – никогда этого не будет. Зря стараешься, маг. Только из жалости к малым мира сего скажу тебе: убирайся! Убирайся подобру-поздорову, открой свое кафе на другом краю мира, отпайвай элем жаб и сверчков, только не попадайся мне больше на глаза! Здесь моя территория и мои порядки. У Гроля конкурентов нет – и не будет. Твой жалкий мозг способен это понять?

Смотритель судорожно кивнул. Он сделал шаг к бару – быть может, слишком резко и суетливо – и волкозавр поднялся. Угрожающе рыча, зверь направился прямо на него. Лапы с длинными когтями почему-то опускались на пол совершенно бесшумно, словно там были не доски, а снег.

Дорофей Наумович вжался в стойку. До сих пор он не знал, что это такое: глядеть в лицо, и особенно в морду, опасности. Но вдруг он заметил, что у этой опасности фиолетовые глаза. Удивительно, но страх немного отступил, словно нечто внутри смотрителя не верило, что красота способна убивать. Неловким, совершенно бессознательным движением он схватил с полки эклер и протянул волкозавру.

Огромная пасть распахнулась, как пещера ужасов, и сомкнулась у его руки. Дорофей Наумович даже не успел зажмуриться и потому увидел, как эта самая пасть аккуратно откусила половину эклера, хотя могла отгрызть руку по локоть.

– Руна! – грозно прикрикнул владелец трактира. – А ну иди сюда, белобрысая стерва! Я тебе покажу, как брать с чужих рук!

Волчица быстро слотнула и, поджав хвост, вернулась к хозяину. Трость прошла по ее спине, но она это стерпела. А Гроль с размаху пнул лежащий на полу стул и процедил:

– Запомни, маг, запомни, что я тебе сказал. Второй раз я не повторяю, об этом кого угодно спроси. Так что в любом случае – прощай.

Круто развернувшись, он вышел из зала. Руна, с легкой тоской глянув на оставшуюся половину эклера, последовала за ним. На улице поднялась метель, и незапертая дверь стала

хлопать на ветру, но Дорофея Наумовича это уже мало волновало. Промокнув лоб рукавом, зритель сел на пол у стойки и уткнулся лицом в колени. Так он просидел довольно долго, а потом резко вскочил и принялся листать справочник.

Одна молодая и активно продвигающая себя фирма работала аж с семи утра. Выждав положенное время, Дорофей Наумович схватил телефонную трубку и дрожащими пальцами набрал номер.

– Алло! Это «Неоновый свет»? У меня на вывеске буквы перегорели, нужно срочно заменить. Не знаю я, какая конструкция! Приезжайте и посмотрите. Нет, завтра нельзя, вопрос жизни и смерти, если вы меня понимаете. Хорошо, пусть будет двойная оплата...

Продиктовав адрес, зритель кафе вырвал из справочника пустой лист, нацарапал на нем «Санитарный день» и прикрепил к стеклу на двери. Потом тщательно заперся на замок и на засов, набросил полотенце на кофе-машину, словно на клетку с надоедливым попугаем, и поднялся к себе.

Уже на лестнице он заметил, что сломанная ветка дуба отросла, а салатная луковица в винном бокале выпустила маленький бледно-желтый бутон.

Конечно же, Дорофею Наумовичу не удалось уснуть. Он сидел на диване, отгородившись одеялом от внешнего мира, и напряженно ждал. Ждал мастеров, которые приедут и превратят уже набившее оскомину слово «маг» в нормальное слово «магазин» – и тем самым разрешат его проблемы. Да, он свято верил, что разрешат.

До сего момента зритель не думал, что у него есть воображение. А оно, оказывается, все это время дремало глубоко внутри, но теперь проснулось и любезно подсовывало ему картины одну страшнее другой. Дорофей Наумович уже боялся выглянуть в окно, потому что там мог оказаться кто угодно: от призрака с ржавыми цепями до огнедышащего дракона. Но все же любопытство (которое таилось рядом с воображением) взяло верх. Зритель тихонечко глянул сквозь стекло своего маленького окошка и увидел на крыльце кафе мальчика.

Обычного мальчика, но в легкой летней рубашке и коротких штанишках. Он спокойно сидел, погрузив голые ноги прямо в сугроб, и наблюдал за дымчатыми домами на горизонте.

Дорофей Наумович отпрянул от окна. Он сразу понял, что мальчик – один из «них». Обычный ребенок уже давно бы промерз до костей. Нет-нет, хватит, он больше никого не впустит. Зритель снова укрылся одеялом и замер.

Но в дверь никто не позвонил.

Минут через десять Дорофей Наумович снова посмотрел в окно: мальчик сидел там же. Ветер трепал его спутанные желтые волосы. В комнате стало невыносимо холодно только от одного взгляда на маленького незнакомца. Дорофей Наумович поерзал на диване, потом глубоко вздохнул, потеплее оделся и взял с собой одеяло.

На улице была та самая погода, которая в народе называлась «то-ли-утро-то-ли-ночь»: серые облака заволокли небо, и солнце напрасно пыталось пробиться сквозь сумерки. Дорофей Наумович осторожно ступил на крыльцо и набросил одеяло на плечи мальчика. Тем самым он согрел не ребенка – тот, похоже, не нуждался в зимней одежде, – а самого себя.

– Здравствуйте, – пробормотал зритель, благоразумно обращаясь на «вы».

– Привет, – отозвался мальчик.

Он достал из кармана трубочку и стрельнул из нее сухой горошиной в сидящего на ветке снегиря. Самодельный патрон слегка задел хвост птички, и она взвилась в воздух, разразившись ругательствами. Мальчик улыбнулся, и снегирь сел на прежнее место, снисходительно махнув крылом.

Дорофей Наумович топтался рядом, не зная, что сказать.

– Здорово ты напугал его, – вдруг произнес мальчик.

– Кого? – не понял смотритель.

– Старину Гролля.

– Вы что-то путаете, – вздрогнул от неожиданности Дорофей Наумович. – Это я от страху чуть... хм...

– Да нет же, трактирщик слишком много из себя строит. Он неплохой маг, но не всемогущий. И если бы почуял в тебе слабого, то прихлопнул бы на месте. А то расфуфырился, начал крушить все вокруг, угрожать... Это свойственно тем, кто боится.

– Он тоже маг?

– Конечно. В здешнем мире заведения для иных открывают только маги. Так уж повелось.

– Иных... – Смотритель несколько раз повторил это слово, разжевывая его и пробуя на вкус. – Только я-то ведь не иной.

Мальчик пожал плечами:

– Поживем – увидим.

– Честно говоря, я вообще не понимаю, как все произошло. Я ничего подобного не хотел. Просто устроился на работу... самую обычную работу, и вот...

Маленький незнакомец тряхнул соломенными кудрями и запустил горошину куда-то в небо.

– Да, я знаю. Ты напоминаешь одного человека из старой сказки. Он был очень одинок, и его дом развалился. Однажды этот человек набрел на заброшенную башенку и решил там остаться. Нарубил дров, развел огонь в очаге, чтобы приготовить себе ужин. Но оказалось, что это не просто башенка, а маяк. Человек случайно зажег его, и к нему начали стекаться корабли. Вот как бывает.

– Чем закончилась сказка? – немного помолчав, спросил Дорофей Наумович.

– Кто-то говорит, что человек погасил свет, потому что привык оставаться один. Кто-то утверждает, что он стал смотрителем маяка. Но подлинный конец никому не известен – каждый решает для себя сам.

– А Гролля...

– Беда старика в том, что он не слушает сказок. Он считает тебя серьезной угрозой, потому что только равный ему осмелился бы открыть свою лавочку здесь, на землях, которые негласно принадлежат ему. Трактирщик давно подпевает темным силам: неудивительно, ведь они больше платят. Яды, проклятия, приворотные зелья – только первые пункты в его меню. Конечно, об этом знают лишь иные. Для местных Гролля создал чудесные декорации с отменной выпивкой и едой.

– Много здесь вообще... иных?

– Все так смешалось, мой друг, – сказал мальчик и посмотрел на Дорофея Наумовича яркими голубыми глазами с золотистыми искрами – а каждая искра являла собой сотню лет. – Миры соприкасаются то тут, то там. Многие научились приспособливаться. Я вообще больше люблю ходить по грани и наблюдать. За это меня и прозвали Поплавком.

Дорофей Наумович сел на ступеньку рядом. Занялась метель, но он не чувствовал холода. Город оставался сонным, утро все не наступало, и казалось, что время внезапно остановилось.

– Я не знаю, что мне с этим делать, – наконец сказал смотритель. – Ко мне приходят странные люди и ждут от меня того, чего я им дать не могу. Принимают меня за того, кем я на самом деле не являюсь!

– Ну, это совсем просто, – отозвался Поплавок. – Ты можешь быть магом, а можешь им не быть. Как тебе угодно.

– Да как же я буду магом, если я обычный человек! – не выдержал Дорофей Наумович. – Я и среди своих мало на что годен. А тут...

– Ну, не скажи, – усмехнулся мальчик. – Ты работаешь всего пару дней, а у тебя уже есть древо Дубомира, первое за десять лет, исцеляющий цветок и машина, дающая эль с ячменным вином. Клянусь своей трубкой, даже Мерлин так не начинал!

Маленький незнакомец поднялся и, засунув руки в карманы, побрел в сторону дороги. Его босые ноги не оставляли следов на снегу; он даже не шел, а скользил, слегка покачиваясь – точь-в-точь, как поплавок на стыке миров.

Метель все усиливалась, и Дорофей Наумович закутался в брошенное на ступеньках одеяло. Он чувствовал себя потерянным, потому что вдруг понял: где-то внутри него заблудился Дороня, и пока он никак не может его найти. Кафе. Газеты. Дерево. Карандаш. Цветок. Диван. Иные. Привычное и непривычное смешалось в голове и грозило разорвать ее на части.

«Ничего, – подумал смотритель. – Скоро приедет бригада. Они все поправят».

После таких ободряющих слов Дороня непременно должен был объявиться. Но этого не произошло.

Зато совсем близко раздался волчий вой. Не зловещий, как в полночь, а тонкий и жалобный. Так мог выть брошенный одинокий пес. Дорофей Наумович поднялся, обошел заправку со всех сторон и возле мусорных баков увидел белую волчицу Гролля. Она лежала, почти сливаясь со снегом, костяные шипы на ее спине как-то странно покосились. Смотритель, сглотнув комок страха, подошел поближе и разглядел, что эти шипы – лишь бутафория. Они были привязаны к зверю, а под грубыми веревками на боках виднелись протертые кровотокающие раны.

– Руна, – жалостливо пробормотал Дорофей Наумович. – Ай-яй-яй... Ну, пойдем, пойдем.

Он хлопнул по колену, и волчица встала, а потом потрусилась за ним, изредка тычась в его ладонь горячим носом. В кафе смотритель перерезал ножом веревки и достал аптечку с ватой и перекисью. Пытаясь открыть пузырек, он едва не опрокинул локтем винный бокал.

«Исцеляющий цветок, – проскользнуло в голове. – Мальчуган назвал его так».

А бутон уже раскрылся и походил на золотистый георгин, от которого пахло медом и почему-то морской солью. Дорофей Наумович пожал плечами, оторвал один лепесток и растер его между пальцев. Потом осторожно смазал красную полоску на боку Руны. Рана затянулась прямо на глазах.

– Так вот она какая, магия, – вполголоса сказал он.

Волчица принялась лизать затянувшийся бок, и ее шершавый язык как бы невзначай прошелся по руке смотрителя.

– Ты, похоже, не собираешься возвращаться к своему хозяину? Ума не приложу, чем тебя кормить. Ладно, возьми пока это, а там посмотрим. Может, уговорю Платона Петровича открыть здесь котлетную.

Дорофей Наумович выложил перед Руной несколько эклеров и последний бутерброд с уже застекленевшей красной рыбой. Волчица принялась за трапезу с удовольствием и не спеша, словно она пробовала редкие конфеты. Смотритель снова вышел на улицу.

Сумерки растворились, и все вокруг окутала белоснежная, местами рваная и неровная вышивка метели. «Так они не найдут дорогу», – подумал Дорофей Наумович. На мгновение ему показалось, что сломанный светофор на перекрестке – это тонкая фигурка Яснолики, которая стоит, и ждет, и вглядывается в падающий снег.

«Зима для того и создана в белых тонах, чтобы мы могли начать свою жизнь с чистого листа». Откуда у него в голове взялись эти слова? Они были явно не из кроссвордов. Но смотритель вдруг понял, что та самая зима замела Дороню в одном из сугробов, и искать его теперь не было смысла. Разве что весной... Хотя столько всего могло произойти до весны...

Дорофей Наумович перебрал связку вверенных ему ключей и нашел увесистый ключ от подсобной комнаты. Он вытащил старую стремянку и молоток, потом поставил лестницу прямо перед входом в кафе, забрался на самый верх и начал наносить удар за ударом. Металлическая конструкция охала и стонала, обломки сыпались на землю, но зритель не успокоился, пока не сделал все так, как нужно.

– Вы нас вызывали? – спросил приятный молодой человек в яркой куртке с надписью «Неоновый свет». За его плечом с ноги на ногу переминался небритый здоровяк, который, по всей видимости, являлся в фирме основным источником физической силы.

– Да, – сказал Дорофей Наумович.

– Тогда показывайте вашу вывеску.

– Она прямо над вами.

Молодой человек задрал голову, и его красивый гладкий лоб прорезала морщина.

– Погодите, вы же сказали, что у вас надпись перегорела. А здесь все в порядке. Может, контакт отходит? В каком месте были проблемы?

– Не работали три последние буквы в слове «магазин».

Морщин на лбу «Неонового света» стало две, и намечалась третья.

– Тут нет таких букв!

– Неужели? – изумился Дорофей Наумович.

– Вообще нет! Написано – «КАФЕ МАГА». Я думал, это фишка такая.

– Может, ветер сорвал? – задумчиво проговорил зритель. – Или хулиганы сняли? Знаете, у нас тут район такой – вроде бы пустынный, но очень беспокойный.

Молодой человек закусил губу.

– Понимаете, изготовлением на заказ мы не занимаемся, только ремонт. Обратитесь в другие агентства. И все-таки странно, первый раз вижу, чтобы...

– Разумеется, я оплачу вызов, – перебил его Дорофей Наумович. – А вообще, не желаете ли стаканчик подогретого вина за счет заведения?

Здоровяк на заднем плане с готовностью закивал и втолкнул своего «неонового» коллегу в теплый, уютно обставленный зал.

– Не бойтесь, она не кусается, – на ходу бросил зритель, указав на большую белую собаку у самой стойки.

Вечером состоялся телефонный разговор.

– Пострадала вывеска? – обеспокоенно переспросил Платон Петрович. – Так ведь новогодние праздники на носу, у всех выходные. Если делать на заказ, то будет готово не раньше чем через месяц.

– Что ж, месяц – хороший срок, – сказал Дорофей Наумович, обращаясь скорее к самому себе.

– В каком смысле – хороший срок? Срок для чего?

– Я имел в виду, испытательный срок. На моей новой... гхм... должности.

– Хм, – с какой-то обидой произнес Платон Петрович. – Я думал, ты у нас задержишься надолго...

– Поживем – увидим, – загадочно протянул зритель и положил трубку.

Часы показывали десять вечера – самое время для неожиданных посетителей. Дорофей Наумович постелил свежие скатерти и украсил столы дубовыми ветками. Потом любовно протер кофе-машину и поставил цветок Яснолики на полку – на виду, но подальше от посторонних рук.

– Увидим, – сказал он еще раз белой волчице, которая примостилась на хозяйском кресле. Руна негромко рыкнула и накрыла лапой кусок эклера – самый вкусный, с остатками крема.

И вскоре дверь действительно приоткрылась. Осторожно, неуверенно. В зал вошла невысокая, очень смуглая девочка-подросток. Из-под длинной дубленки виднелись ножки в атласных туфельках с кружевной лентой вокруг щиколоток.

– Страстуйте, – с мягким акцентом сказала она. – Я мошет быть, ошиблась. Мне нушен один теловек.

– Маг?

Девочка вскинула на невзрачного человека в костюме раскосые зеленые глаза и часто задышала.

– Он сдесь?

– Присядьте сначала. Может быть, чаю с медом? Понимаете, многие ожидают совсем другого. Кучу бутафории и пафоса, как у Гролля, а в итоге получают лишь меня. И я не могу обещать, что взмахну какой-то там палочкой и избавлю всех от бед. Но я постараюсь. Ведь иногда достаточно просто протянуть руку, без порошков и зелий, такое вот банальное волшебство...

– Так вы маг? – прошептала девочка.

– Он самый, – подтвердил смотритель кафе. – Ну не может же вывеска врать. В миру Дорофей Наумович, а для вас – Фей Драконыч. Вот ваш чай. Руна, не косись на бутерброд, не для тебя.

Маг откашлялся и вернулся за стойку. Там он неспешно протер очки салфеткой, поправил галстук и придал своему лицу то хитровато-мудрое выражение, которое, как ему казалось, лучше всего подходит его новому статусу.

– Итак, – понизив голос, произнес он, – чем могу помочь?

РЫЦАРЬ ПОПОЛАМ

Вот уже десять минут она сидела неподвижно и сверлила взглядом номер на куске бумаги. В глубине души ей хотелось, чтобы цифры умели сами выпрыгивать на телефонные кнопки, освободив ее от мучительного раздумья, но упрямые двойки, девятки и восьмерки даже не думали двигаться с места. Прошло еще минут пять, и девушке стало стыдно: если бы какой-нибудь телепат влез в тот момент в ее голову, то решил бы, что бедняжка находится как минимум на краю пропасти. А она всего-то боялась сделать звонок, чтобы признаться в своей глупости.

Девушка быстро, на вдохе, пробежалась пальцем по кнопкам. Сначала была тишина, потом послышался щелчок, а после раздался долгий, нетерпеливый гудок – будто машинист подгонял сонных пассажиров на вокзале.

Второй гудок, третий, четвертый... Никто не поднимал трубку. Она почувствовала облегчение. Еще чуть-чуть, и можно будет сбросить вызов с мыслью «Я честно пыталась». Но последний гудок оборвался на середине, и приятный мужской голос произнес:

– Слушаю.

– Федор Андреевич, добрый день. Мне дала ваши контакты одна знакомая. Говорила, что вы консультируете по телефону, нет нужды лично приходить на прием. Если сейчас у вас есть время, я хотела бы обратиться за помощью.

Протараторив заученную фразу, девушка замерла в ожидании.

На том конце провода воцарилось молчание – наверное, Федор Андреевич сверялся со своими записями. Затем он спросил:

– Вы хотите получить консультацию прямо сейчас? Видите ли, идет обеденный перерыв, и нас могут прервать. Я запишу вас на вечер...

– Нет-нет, пожалуйста! – выпалила девушка, попутно удивляясь собственной наглости. – Я компенсирую вам обед, можете назначить двойной тариф. Понимаете, мне кажется, что я уже не осмелюсь позвонить второй раз.

Ее щеки вспыхнули; она никогда не решилась бы сказать подобное серьезному деловому человеку. Но голос в трубке казался почти мальчишеским, с приятными, располагающими нотками. Наверное, так и должен разговаривать по-настоящему хороший психолог.

– Раз так, откладывать не будем. Сейчас я переключу на бесплатную линию. Нет-нет, не возражайте. Есть правило: никакой работы в обед, так что будем считать это дружеской беседой. Как вас зовут?

– Анастасия. Но друзья давно зовут меня Ная.

– Хорошо, Ная. Расскажите, что вас беспокоит.

– Даже не знаю, с чего начать. Понимаете, все это очень глупо. У меня есть все для счастливой жизни. Свое жилье, работа, семья и подруги. Я даже поступила в магистратуру на бюджет, где был конкурс пять человек на место...

– Постойте, – мягко прервал Федор Андреевич. – Вы еще не коснулись проблемы, а уже начинаете оправдываться. Давайте начнем по-другому. Полагаю, вы звоните из дома. Можете прямо сейчас поставить чайник? Предпочитаете кофе или чай?

– Чай, – удивленно ответила Ная, прижав трубку к плечу и послушно зажигая газ.

– А в чем вы сейчас будете его пить? Есть любимая кружка?

– Неловко признаваться, но у меня обычный граненый стакан. В подстаканнике.

– Ого! – оживился голос. – Прямо как в поезде! Замечательно. Заварите себе чай, сядьте за стол и представьте себе стук колес. Вы едете в далекое путешествие, а я – вовсе не психолог, а ваш случайный попутчик. Поговорите со мной, легко и открыто, словно скоро будет моя станция и мы никогда больше не увидимся. Готовы? Если да, то просто ответьте на вопрос: вы счастливы?

– Не знаю, – после некоторого молчания призналась девушка, опуская чайный пакетик в кипяток. – Должна быть. Ну вот, я снова оправдываюсь. Дело в том, что у меня нет причин быть несчастной. И вместе с тем я... будто растерянный паук, которого сорвали с паутины и метлой загнали в угол. Я словно проживаю не свою жизнь. А как правильно поступить, куда идти – понять не могу.

– Тогда дадим этому паучку немного мошек. Соорудим в углу невидимую паутину и начнем ловить моменты. Когда вы ощущали себя по-настоящему счастливой? Наверняка в детстве?

– О, да, – Ная тихонько рассмеялась. – Чудесная пора. Я играла со своим шкафом...

– В Нарнию?

– Нет, тогда я не знала никакой Нарнии. Да и шкаф был не настоящим, а бумажным. Два склеенных листа с нарисованными дверьми. Там я хранила сказочных героев, которых сама рисовала и вырезала. Рыцарь, принцесса, дракон, верный конь... Я любила сочинять с ними всякие истории.

– А кто был самым любимым героем?

– Конечно же, принцесса. Она была на роликах и с короткой стрижкой – такой я ее сочинила. Моя мама, помнится, ее очень не любила и называла неправильной...

– Она была похожа на вас?

– Кто, мама? Нет, мы абсолютно разные. Я бы даже сказала, противоположности.

– Я имел в виду ту принцессу на роликах.

– Наверное, – протянула девушка. – Сейчас я уже позабыла. Но если вдуматься, то да, она была курносая и рыженькая. Правда, теперь у меня другой цвет волос.

– У нее ведь было много приключений? – совершенно серьезно спросил Федор Андреевич.

– Еще бы! Она объездила на роликах почти все королевство. У нее был ручной тигр. А еще принцесса любила рисовать красками прямо на стенах своего дворца. Фрейлины были в шоке...

Ная умолкла. Она растерянно возила чайным пакетиком по дну пустого стакана. В ее голове сиял образ, настолько яркий, что затмевал все остальное. Маленькая детская комната. На пушистом белом ковре лежит бумажный шкаф с распахнутыми дверцами, а внутри таится сказка. Придуманные герои, краски ее фантазий. Тогда было так просто мечтать, так просто идти вперед. Тогда все было – просто. Девочка в той комнате знала, что она – рыжая принцесса на роликах. И верила в своего рыцаря в сияющих доспехах. Может быть, именно потому она была так счастлива.

– О чем вы сейчас думаете?

Голос на другом конце провода вернул Наю к реальности.

– О своих рисунках.

– Они сохранились?

– Наверное, д-да, – девушка запнулась.

Ей вдруг захотелось обо всем рассказать – залпом, на одном дыхании. О том, как мать смяла и порвала ее бумажные игрушки, а сам «шкаф» закинула за пианино много лет назад. О том, как из нее пытались сделать «правильную принцессу», и пытаются до сих пор, а она носит хрустальные туфельки вместо роликов. На своих нелепых паучьих ножках...

– Вы можете найти их? Сейчас ваши герои нужны вам даже больше, чем в детстве. Мне кажется, именно там спрятаны ответы. Обычно женщинам для поднятия настроения советуют разобрать гардероб, но у вас за дверцами шкафа спрятано что-то более значимое...

Ная вдруг почувствовала, что их воображаемый поезд стал замедляться. На другом конце провода послышался шум и хлопанье дверьми. Нет, только не сейчас. Остановка слишком рано. Ведь еще столько нужно сказать...

– Прощу прощения, – торопливо сказал Федор Андреевич. – Мне очень жаль, я не могу больше разговаривать. Но, кажется, вы уже поняли. Отыщите рисунки, и все встанет на свои места.

– Спасибо вам, я так... – начала девушка, но в трубке раздались короткие гудки.

Стук колес стих, поезд прибыл на станцию, и она снова сидела одна с пустым стаканом из-под чая.

Ная глянула на часы. Беседа заняла каких-то двадцать минут. Знала ли она теперь, как жить дальше? Пожалуй, нет. Но точно понимала, каким должен быть следующий шаг.

Она решила не сразу: в конце концов, ее нога не ступала в родительский дом несколько месяцев. Однако девушка все же открыла дверь давно завалывшимся ключом, подгадав время, когда никого не будет. Она вошла в свою детскую, которая теперь использовалась как склад для ненужных вещей, и приблизилась к пианино – впервые с момента окончания музыкальной школы. Ее сердце колотилось: было страшно трогать этого щербатого монстра. Вдруг за ним обнаружилась бы пустота? Но Ная сдвинула его с места и обнаружила у стены знакомый листок в шубе из пыли.

Ее «шкаф». Ее маленькая сказка.

Внутри по-прежнему были рисунки – такие маленькие и наивные. Вот принцесса – ролики смяты, а корона потерялась. Вот ручной тигр, который легко умещался на ладони. А вот и рыцарь, юный и голубоглазый, с копной белобрых волос, разорванный пополам. Девушка осторожно перебирала их всех, затаив дыхание, словно это были драгоценности из бабушкиной шкатулки. И, налюбовавшись вдоволь, положила «шкаф» в сумку, задвинула пианино на место и ушла.

К психологу Ная пришла через две недели.

Она решила, что коробка конфет – это слишком банально, и потому напекла фигурного печенья, раскрасила его цветной глазурью и положила в белую коробку, на которой нарисовала дверцы. Подождав какое-то время в офисе, девушка наконец вошла в кабинет.

– Федор Андреевич, здравствуйте...

Увидев человека за столом, она запнулась. Ная ожидала встретить молодого, энергичного специалиста, который использует новые методики и потому говорит с клиентами о поездах и сказках. Но перед ней сидел пожилой, совершенно лысый мужчина с вытянутым лицом. Он вопросительно посмотрел на девушку, и та мысленно тряхнула головой: нечего тарашить глаза, ведь это не свидание. Психологи – не модели с глянцевого обложки, чего же она ждала?

– Федор Андреевич, я пришла вас поблагодарить. Мы так мало говорили по телефону, но мне удалось во всем разобраться. Я нашла свой шкаф с рисунками и поняла, что с самого начала знала, чего хочу. Просто меня столкнули с моей дороги, но теперь я собираюсь на нее вернуться. Видите? Я восстановила цвет волос и, наконец, подстриглась. У меня появился ручной тигр – взяла из приюта полосатого котенка. И еще я ушла с работы. Это, должно быть, ужасно, но я давно уже не чувствовала такого душевного подъема. В конце концов, мне никогда не нравилось преподавать. Хочу попробовать себя в дизайне интерьеров – как та принцесса, что разрисовывала стены своего дворца.

Ная умолкла, раскрасневшаяся и счастливая, и только тогда заметила, что психолог странно на нее смотрит.

– Простите, – сказал он. – Вы точно пришли по адресу? Я ничего не понимаю. Причем здесь принцессы, тигры и какая-то мебель?

– Ой... так вы не Федор Андреевич?

– Нет, это я. Говорите, вы беседовали со мной по телефону? Вероятно, очень давно?

Девушка медленно опустилась на стул и раскрыла сумочку. На фоне других рассказов ее история со шкафом вполне могла показаться обыденной и стереться из памяти психолога. Это еще укладывалось в голове. Но как объяснить то, что голос был совсем другим: низким, хриловатым, без намека на мальчишеские нотки?

– Не так уж давно. Я звонила в четверг, двадцатого, в третьем часу. Тогда еще был обеденный перерыв.

– Но я не консультирую в обед... Двадцатого, говорите? Сейчас проверим.

Федор Андреевич полистал ежедневник, и по его лицу проскользнуло особое выражение – озарение человека, решившего загадку.

– А, теперь я, кажется, начинаю понимать. Видите ли, в указанное вами время меня в кабинете не было. Там находился один мой клиент. У нас был долгий сеанс, и требовался перерыв, но он не пошел со мной в буфет – ему не так легко передвигаться на инвалидной коляске. Я попросил свою помощницу принести ему чай и показал, как переключать на бесплатную линию – на случай, если он заскучает и решит позвонить друзьям. Так вы говорите, что беседовали с ним по телефону? И даже получили дельный совет?

Ная сумела только кивнуть, и психолог, улыбнувшись, развел руками.

– Удивительный человек, я такого никогда не встречал. Всем стремится помочь, каждого обогреть – вот только не может протянуть руку самому себе. Я провел с ним пять сеансов, но так и не смог убедить его, что он встанет на ноги. И тем не менее он написал на сайте такой вдохновляющий отзыв – моя помощница даже плакала.

Федор Андреевич пару раз щелкнул компьютерной мышью и повернул к девушке монитор.

На светло-зеленом фоне виднелся какой-то текст, а рядом – фотография парня лет двадцати пяти. Ная придвинулась ближе и замерла. Она знала этого человека. Она уже видела его волосы и глаза, его черты лица – только нарисованные карандашом.

На девушку смотрел ее рыцарь. Бумажный рыцарь, которого ждала принцесса на роликах.

– Егор, – вслух прочитала она.

– Да, Гóра, – кивнул психолог. – У него на днях должна быть операция. По-моему, уже завтра. Он ведь раньше ходил, но потом что-то случилось с позвоночником... А теперь прошу прощения, меня ожидает клиент.

– Конечно, – на автомате пробормотала Ная и повернулась к двери.

– Погодите, – окликнул ее Федор Андреевич. – Вы кое-что забыли. Это явно предназначалось не мне.

Он вручил ей коробку с печеньем, оставленную на столе. Девушка благодарно кивнула и вышла из кабинета.

По мере того, как она подходила к своему дому, ее шаги ускорились. Вскоре Ная почти бежала. Влетев в квартиру, девушка тут же бросилась к бумажному шкафу, достала рыцаря и аккуратно его склеила. А потом соорудила ему подставку – так, чтобы он стоял на ногах.

– Можешь не верить, – тихо сказала она. – Предоставь это мне.

Заварив чай в граненом стакане с подстаканником, Ная села за стол. Ее воображаемый поезд не трогался с места, но она чувствовала, что это ненадолго. Путешествие лишь начиналось, и девушка взяла с собой самое необходимое. На столе лежали краски, а на коленях сопел маленький ручной тигр. Не хватало лишь последней детали.

Она позвонила в магазин и заказала раздвижные ролики – две пары. У нее не было никаких сомнений, что вторая пара вскоре понадобится. И Ная даже знала, кому ее подарить: на коробке с печеньем твердым, размашистым почерком был написан номер телефона с большой буквой «Г».

ВЕДЬМИНО ЗЕРКАЛЬЦЕ

Анисья Степаниха, прижимая к груди маленький холщовый мешочек, гордо шествовала к дому на окраине. Наконец-то она решилась! Наконец-то она ей покажет! Ей – той самой девке с длинной черной косой, которая свалилась на них, как снег с еловой лапы. Младшая внучка бабки Прасковьи – да кто в это поверит! Покойная Прасковьюшка, хозяйка того самого крайнего дома, была сущим божьим одуванчиком – как с виду, так и по нраву. И если бы имелись у нее внуки (дети-то разбрелись по городам, кто их там знает), то явно такие же светленькие и румяные, не похожие на ту чернявую ведьму.

Ведьма! Анисья криво усмехнулась, ускоряя шаг. Все бабы деревни сразу раскусили, что за ягодка эта Варвара. Лицо белое, брови тонкие, руки холеные. И это еще ничего, но коса-то, коса! Всегда блестит, как воском намазанная, волосок к волоску, и пахнет от нее чем-то сладким, манящим, но чужим. Ни на что тот запах не похож, словно сам черт по ночам ей волосы расчесывает. А мужики вокруг так и вьются! Вон, старый дурак Василий враз забыл про свою больную спину и нарубил Варваре целый сарай дров. Сын вдовы Макарихи давеча девчонку до рынка на повозке довел, словно она своими белыми ножками не дошла бы. Да и муж самой Анисьи глазом косить начал, то правым, то левым – смотря с какого бока Прасковьяина внучка появлялась. Это и стало последней каплей. Ведьма! Ну, берегись, проклятая, найдется и на тебя управа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.